

Роман Япишин — выпускник моего семинара в Литературном институте. Не скажу, что за шесть лет учёбы с ним было легко, он пришёл в институт уже со своим голосом, со своими твёрдыми эстетическими принципами, со своим пониманием творческого пути. Фактически, мы общались с ним не как преподаватель и ученик, а как люди разных поколений, но из одного поэтического цеха. Тем более, что все эти годы Роман у себя на родине, на Урале, профессионально занимался рок-музыкой, сам нередко участвовал в качестве руководителя творческих семинаров на региональных совещаниях молодых писателей. Может быть, поэтому ему порой приходилось трудно соглашаться

с какими-то моими замечаниями, советами, пожеланиями. Но я замечал, что со временем, не сразу, он мог, видимо, проделав сложную внутреннюю работу, в чём-то принять справедливость иного мнения. Это лишний раз подтверждало, что он думающий и, безусловно, талантливый человек, преданный Поэзии и русскому слову, к которому идёт разными путями, иногда параллельными хлебниковским и путями поэтов начала двадцатого века (это относится к его изобретениям неологизмов — «вселеннопленный», «небопашец», «зверобог» и другим, щедро рассыпанным по его стихам). Оригинальны и современны его метафоры, явно отличающиеся от поэтики метаметафористов последней

четверти двадцатого века, в которой была бы невозможна такая метафора Япишина как «Тополиный пульс» в «густых металлургических лесах» Еремёнко, поскольку литературный контекст изменился, от политики и рефлексии на общественные проблемы он передвинулся в сторону ощущения общечеловеческой драмы, в сторону осознания и сохранения себя в атмосфере распадающихся связей — исторических, этических, эстетических. В то время ещё можно было существовать в литературе поколениями, группами или, как говорил теоретик метафористов Михаил Эпштейн, — существование «гроздьями». Сегодня поэты (да и прозаики) — одиночки. Может быть, именно поэтому им легче сегодня услышать «тополиный пульс», почувствовать родство с живой природой на пороге её исчезновения. Не от того ли Роман Япишин так часто оказывается не в обществе людей, но в обществе природы, где тоже невозможно найти покоя, оттого и метафора его (невозможная в 80-е годы) — получает дополнительный объём, объясняющий метаметафору «вселеннопленный», невольно обращающую нас к паскалевскому осознанию ужаса быть всего лишь точкой в бесконечном пространстве Вселенной: «Великое стояние берёз. // Как этой белизной не заболеть? // Какую память принимать всерьёз? // Каких проигнорированных лет? // Прощальное петляние тропы, // От плевел отделившее зерно, // Простившее досказанную пыль // Ушедшего не дальше, чем давно. // Замри

на стыке ветра и травы, // Замри под преждевременный рассвет. // Твои воспоминания равны // Костру из непрочитанных газет». «Великое стояние берёз» — также не могло быть в прежней поэтике. В этом как бы традиционном образе — он очень современен, оригинален, через него поэт включает исторические пространства и память.

Со временем игра со словом, создание новых слов — наполнялась очень серьёзным содержанием, неологизмы, создаваемые как семантические метафоры, работали на смыслы, держали на себе плотность текста, оживляли обычный словарь, встряхивали синтаксис, как, например, в таком характерном для Япишина стихотворении с оригинальным названием «Солжение»: «Скажи меня, Боже, скажи! // Пускай мной щебечут стрижи! // А если не хочешь сказать, // Соври, почему не соврать? // Соври меня, просто соври, // Пусть думают все пустыри, // Что я, этот лживенький я — // Действительно часть бытия. // Пусть знают, что был я реком // Ручьистым твоим языком. // И травы столбятся у ног, // Застелют тревогу дорог, // И раны затянут тайком // Берёзы зарёванным ртом, // И клёны укроют стеной, // И встанет тогда надо мной // Твой жилистый смех на прощанье. // Мы всё твоё, Боже, молчанье». «Жилистый смех» Бога может показаться неуместным, неточным, но именно этот эпитет показывает всё напряжение, простите, как у Высоцкого, когда он поёт и все жилы на шее вот-вот оборвутся...

Обновление слов — редкое качество сегодня, поскольку всех устраивает бедный, скудный, затёртый язык. Работа Япишина со словом — освежает атмосферу в скучном литературном топтании на месте, напоминает, что возможности слова не исчерпаны. Неожиданный ракурс языковой — вознаграждается открытием даже в мелочах: «Я живу и вижу: мы // Выгнуты и вгнуты. // В первом случае — из тьмы, // Во втором — в минуты». Казалось бы пустячок — «выгнуты и вгнуты», но слова заиграли, а за ними и мысль интересно развернулась, оказалось что-то такое, что задевает, заставляет присмотреться, задуматься. Конечно же, Роман Япишин находится в развитии, в поиске, он ищет свой путь, который, на самом деле — для поэта является синонимом Судьбы. Метафора его становится прозрачней, освобождаясь от излишней усложнённости. Он стал выходить на темы с социальным болевым нервом, а это резко расширяет тематический горизонт и обогащает метафорическую палитру...

В стихотворении «Детвора» пронзительно показан приют для престарелых, что говорит об обретении зрелости поэтом, который умеет сострадать и находить точные слова и жёсткие детали, чтобы не впадать в публицистический пафос: «Скоропостижный день. // Седая детвора // Возьмёт тебя к себе, в обитель устаревших. // Смотри, как длится тень, // И как растёт гора // В объятиях двора

под песни местных леших. // Смотри в стеклопакет, // Смотри в него насквозь, // Не то упрётся взгляд в униженное нечто. // Вдруг закричит паркет, // В нём шевелится гвоздь, // Не понимая, что он вбит туда навечно...».

В завершение скажу, что мне не нравятся некоторые рифмы Романа... Мы много говорили и даже спорили на тему чистоты и точности рифмы, но Роман, видимо, чувствовал какую-то принципиальную свою правоту в этом вопросе, постепенно в новых стихах всё же доводя до совершенства рифму, но в каких-то вещах оставлял свои варианты, видимо, слыша в негармоничных созвучиях одному ему доступную смысловую музыку. И тут нельзя не согласиться со знаменитыми стихами Евгения Винокурова: «Упорствующий до предела — почти всегда бывает прав...» Ибо поэт всё-таки сам создаёт для себя законы, по которым творит, и которые может позволить себе нарушить.

Принимаю это упрямство (или, если хотите, упорство), поскольку поэт сам хочет отвечать и за свои достижения, и за свои ошибки, чтобы потом осознанно преодолевать их как болезнь роста, либо — эстетически находить им художественное оправдание. В этом — мужество и чувство собственного пути поэта. А в том, что Роман Япишин поэт, у меня нет никаких сомнений. И я каждый раз радуюсь его творческим успехам.